

То, чего не видит зритель...

Семь тридцать...

В зрительном зале медленно тают лютстры. Тучило мерцает позолота лож. За дирижерским пультом — Юрий Файер. Он поднимает палочку — и оркестр начинает печальное повествование о «фонтане слез» в Бахчисарае, о памятнике страсти и тоски, воспетом Саади и Пушкиным.

Темен и безмолвен зал. Две тысячи москвичей собрались под сводами Большого театра на спектакль «Бахчисарайский фонтан». Но сегодня зрителя и актера не разделит, как обычно, недоступная черта рампы. Сегодня мы пригласим зрителя покинуть кресло партера и пройти вместе с нами за кулисы старейшего оперного театра страны, чтобы присутствовать при всех таинствах спектакля.

Мы стоим в первой кулисе вместе с ведущим режиссером Александром Корнеличем Брындиным. Рядом с ним — большой щит, из которого то гаснут, то зажигаются разноцветные лампочки. С этого щита подаются сигналы на все участки сложного театрального механизма. Они предупреждают о начале спектакля, что так и называется «приготовительной повесткой», о порядке той или иной перемены, о выходе исполнителей. Перед режиссером — раскрытый клавир балета, по которому он внимательно следит за плавным течением увертюры.

— Си бемолы! — негромко восклицает Брыдин.

На «си бемоль» колышутся тяжелые складки занавеса. В полумраке авансцены возникают очертания фонтана. Тоскуют скрипки, рассказывая о неутолимых муках влюбленного хана. Это еще пролог. Но за вторым занавесом уже все приготовлено для первого акта. Тенистый, залитый лунным светом парк перед усадьбой польского вельможи. Шумная, нарядная толпа гостей, подготовившаяся к первым тактам мазурки. И в первой паре — Мария Улянова и Вацлав Габович, которые через несколько минут начнут свой классический любовный дуэт.

ЗА КУЛИСАМИ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Пока звучит пролог, мы вспомним о том, как развивалась и совершенствовалась техника оперного и балетного спектакля. Му-

зыкальные критики 70-х годов горько сетовали на то, что итальянцы совсем вытеснили из репертуара Большого театра произведения русских композиторов. Спектакль создавался ради певцов такой величины, как Патти, Лукка, а весь антураж был скучен и однообразен. С появлением «Ивана Сусанина», серовской «Рогнеды», «Руслана и Людмилы» начался расцвет русской оперы. Успеху спектакля стали содействовать не только известные певцы и балерины, но и режиссеры, художники, инженеры. Подлинный переворот в театральной технике произвели великолепные декорации Головина и Корovina и сложные машинно-декоративные эффекты Вальца-младшего.

Большой театр располагает теперь всеми новинками современной театральной техники.

Вернемся, однако, к тому, что происходит на сцене. Вал в польской усадьбе прерывается вторжением татар. Происходит жаркая сеча. Приближается момент, которого с волнением ждут оформители спектакля.

Татары врываются в дом. Они поднимают его. Зрители видят, как из окон усадьбы вырываются багровые снопы огня, как окутывается дымом терраса. Полная иллюзия горящей усадьбы. Яркое, захватывающее зрелище!

Но мы следим за ним не из зала, а из-за кулис. И мы видим то, что скрыто от взора зрителя. За стеной усадьбы установлен огромный барабан. Он вращается, колебля красный шелк оконных занавесей. Лучи прожекторов, падающие на окна, довершают иллюзию пожара. Да, полное впечатление, что усадьба пылает. А дым? На террасе проложены невидимые трубы со множеством маленьких отверстий. В эти трубы подается обыкновенный пар. Сначала совсем немного, потом все больше и больше, — и вот уже вся усадьба окутана клубами сизого дыма.

Много чудес знают старые театральные мастера. У них все основано на точном расчете. На сцене делаются весна и зима,

7 MAR 45

СЛУЖБА

СЛУЖБА

штормы и бури. На сцене восходят звезды и падают кометы. Вспомним, например, такой сложный по оформлению спектакль, как «Руслан и Людмила». Руслан улетает на ковре-самолете, движением которого называют лебедками, проносящими ковер на фоне темного звездного неба. Под ногами Людмилы «оживает» медвежья шкура.

Вспомним путешествие принца на лодке в балете «Спящая красавица». У зрителей создается полное впечатление, что лодка плывет и плывет довольно долго. Но лодка неподвижна. Иллюзия достигается передвижением задний панорамы с непрерывно меняющимся пейзажем. За кулисами находятся два барабана, на которые накатано около 100 метров рисованного холста. Барабаны приводятся в движение шестью моторами, и холст перематывается с одной катушки на другую, «двигая» лодку и сменяя один пейзаж другим.

Путешествие принца относится к серии весьма громоздких эффектов. Но пот и более легкие, но не менее эффектные трюки. В патетический момент дуэли между Валентином и Фаустом у Валентина ломается шпага. Как сделать так, чтобы это совпало точно с музыкой? Оказывается, очень просто. В определенный момент Валентин нажимает маленькую пружинку, находящуюся на эфесе шпаги. Пружинка автоматически «переламывает» шпагу, которую, впрочем, легко восстановить...

...Ведущий режиссер облегченно вздыхает. Татары похищают Марию, и занавес опускается. Первый акт окончен. Мы воспользуемся антрактом, чтобы посмотреть, что будет происходить на сцене дальше.

Артисты разошлись по своим уборным. Теперь на сцене хозяйничают рабочие. Они расстилают пыльные ковры по дворце Гирен. Откуда-то сверху опускается огромный красочный шатер. На возвышении перед фоном устанавливаются вазы с фруктами и корзины с цветами. Так постепенно создается картина сказочного богатства ханского дворца.

За установкой декораций наблюдает ведущий постановочный частью Петр Семенович Данилов. Спокойно отдают приказания машинист сцены Иван Михайлович Гаврилов и механик Константин Михайлович Никольский. Еще раз просматривает «световую партию» осветителей Василий Алексеевич Петряничков. Все они — энтузиасты своего дела и в театре работают больше двадцати лет.

Большой театр — это не только храм искусства, но и фабрика с весьма сложным производством. Она располагает мощ-

ными подъемными кранами, сложным электроосветительным цехом, огромным сейфом, откуда извлекаются громоздкие конструкции. Есть у этой фабрики и своя технология, выраженная до мельчайших деталей на монтажном листе.

В антракте мы посещаем еще один цех, играющий первостепенную роль в спектакле. Запедающий бутафорским цехом Василий Алексеевич Воронин знакомит нас со своим многоликим хозяйством. Мы можем сесть в кресло, в которое сядет потом Ольга Ларина, любуемся скульптурой Екаторины, которой будет любоваться Герман, можем потрогать шлем князя Игоря, в котором он отправится в свой роковой поход. В отдельном углу свалено оружие всех времен и народов, холодное и огнестрельное. Василий Алексеевич протягивает нам изящную шпагу и с уважением говорит:

— Это шпага самого Шляпникова. С ней Федор Иванович выступал в «Фаусте».

О размерах хозяйства Воронина может говорить такой факт. По ходу спектакля «Иван Сусанин» от бутафорского цеха требуется 1656 предметов. Сюда входит 85 шпаг, 48 лат, нарукавники, нагрудники, копыя, пики, арбалеты, алебарды, секиры, рогатины. Сюда входит древне-русская утварь для избы. Среди атрибутов спектакля есть икона для крестного хода, выполненная по эскизу Вильямса.

Трудно ориентироваться в хозяйстве бутафоров. Но представьте себе, что получится, если в нужный момент у Заремы не окажется под рукой кинжала, которым она должна поразить Марию! Актриса может забыть об этом. Об этом никогда не забудет бутафор.

Остается сказать еще о знаменитой звоннице Большого театра. Большие и малые колокола сейчас молчат. Но мы знаем, как торжественно гремят они в «Борисе Годунове» или «Иване Сусанине». Первым знатоком колоколов был в театре старик Кусакин, который без нот знал назусть все звоны: пасхальные, погребальные, венчальные. Кусакин умер, и теперь партию колоколов исполняют артисты оркестра.

...В оркестре уже звучит вступление ко второму акту.

Спектакль продолжается...

Только ночью затихает жизнь театра. Уже разошлись зрители, а на сцене еще оживленно. Сценическая площадка готовится к завтрашнему дню. Утром начнется «зарядка» другого спектакля.

Ю. ДОБРЯКОВ.